

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

А. А. ДОСТОЙНОВАГО.

ТОМЪ XLІ.

1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1906

Киргизы-крестьяне.

(Изъ жизни Семирѣчья).

Чл.-сопр. О. А. Шапскаго.

I.

Киргизы-крестьяне! — Такое понятіе кажется совершенно несвойственнымъ общему представленію о киргизской народности, представленію, доходящему до того, что о киргизахъ говорятъ какъ о номадахъ, бродящихъ изъ конца въ конецъ обширной киргизской степи, а на киргизское земледѣліе смотрятъ какъ на явленіе временное, вызываемое лишь тѣми невзгодами, какія переживаетъ киргизское скотоводство отъ падежей скота. При наличности такого представленія о киргизахъ вообще, нѣтъ мѣста понятію о киргизахъ-крестьянахъ, а между тѣмъ фактъ существованія послѣднихъ такъ-же реаленъ, какъ реальны тѣ осѣдлые туземцы, напримѣръ, Ташкентскаго уѣзда, 80% которыхъ принадлежатъ несомнѣнно къ киргизской народности. Возможность существованія киргизъ-крестьянъ станетъ понятна, если принять во вниманіе, что огромная территория, занятая киргизами, представляетъ многочисленныя разнообразія естественно-историческихъ условій и что сами киргизы переживаютъ ту эволюцію, которая привела человѣчество отъ жизни бродячихъ племенъ къ современной цивилизаціи.

Киргизы-крестьяне, о которыхъ я началъ говорить, представляютъ очень маленькую группу, составляющую одно небольшое селеніе въ Пишпекскомъ уѣздѣ Семирѣченской области,

селеніе, выросшее на почвѣ общей киргизской эволюціи, заключающейся въ массовомъ осѣданіи ихъ, и случайнаго доброжелательнаго отношенія мѣстной администраціи къ этой эволюціи.

Киргизское-крестьянское селеніе Ташъ-тубе, находящееся въ 15—18 верстахъ къ югу отъ уѣзднаго города Пашпека въ предгорьяхъ Александровскаго хребта, возникло, благодаря, во-первыхъ, ходатайству киргизъ, пожелавшихъ обособиться въ отдѣльную группу, независимую въ своемъ землепользованіи отъ воротилъ кара-киргизской жизни—манаповъ, представляющихъ сильный пережитокъ бывшихъ властителей—князьковъ, а во-вторыхъ благодаря возникшему въ 1896 году въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги вопросу о мѣрахъ, способствующихъ переходу кочевниковъ-киргизъ въ осѣдлое состояніе.

О томъ вліяніи, какое оказываютъ на жизнь киргизъ манапы, и о томъ, что представляютъ собою манапы, буду говорить ниже, а теперь остановлюсь на тѣхъ мѣрахъ, которые предполагалось принять для того, чтобы облегчить киргизамъ переходъ въ осѣдлое состояніе.

Комитетъ Сибирской дороги, поднявъ этотъ вопросъ, имѣлъ въ виду предоставленіе осѣдающимъ киргизамъ разныхъ льготъ, но самъ не приступилъ къ разработкѣ мѣропріятій, а поручилъ это дѣло Министерству Внутреннихъ дѣлъ.

Что было въ этомъ отношеніи сдѣлано въ другихъ областяхъ, я не знаю, Семирѣченская же администрація, какъ гласитъ officialный документъ: „Записка Военнаго Губернатора Семирѣченской Области о состояніи Области за время съ 1882 по 1899 годъ“, признала желательнымъ установленіе слѣдующихъ правилъ:

1) Для осѣдлыхъ киргизскихъ поселеній отводятся, по распоряженію областной администраціи, свободные поземельные участки въ мѣстахъ, незанятыхъ киргизскими зимовками и пашнями; размѣръ душевого надѣла опредѣляется въ нормѣ, установленной для мѣстныхъ крестьянъ, по 10 десятинъ на душу.

2) Зачисленіе въ эти поселенія киргизъ производится по ихъ ходатайству мѣстной Казенною Палатою, на первое время безъ увольнительныхъ и пріемныхъ приговоровъ, по письменнымъ удостовѣреніямъ начальниковъ уѣздовъ о неимѣніи за-

конныхъ препятствій, а въ послѣдствіи когда въ селеніяхъ будетъ полный комплектъ, по пріемнымъ приговорамъ на общемъ основаніи.

3) Административное устройство въ киргизскихъ поселеніяхъ и судъ учреждаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ отдѣльныхъ русскихъ селеніяхъ области.

4) Водворяющіеся въ поселеніяхъ киргизы, при дѣйствительной надобности, удостовѣренной уѣзднымъ начальникомъ, пользуются правомъ получения ссуды хлѣбомъ въ зернѣ на посѣвы и земледѣльческихъ орудій, въ случаѣ устройства склада ихъ для области, съ разсрочкою платежа до 10 лѣтъ, по ближайшему усмотрѣнію уѣзднаго начальника, но не ранѣе возведенія въ селеніи постоянныхъ жилищъ.

5) Водворенные киргизы освобождаются на три года отъ платежа оброчной подати и земскаго сбора, а въ слѣдующіе затѣмъ три года уплачиваютъ оброчную подать и земскій сборъ въ половинномъ размѣрѣ, на одинаковомъ основаніи съ русскими переселенцами въ области

и 6) Водвореннымъ въ поселеніяхъ киргизамъ представляется льгота по отбыванію воинской повинности на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ не несутъ въ настоящее время этой повинности осѣдлые таранчи и дунгане, не принадлежащіе къ городскимъ обществамъ, а образующіе самостоятельныя сельскія общества“.

Привода этотъ проектъ Семирѣченской администраціи, я не предполагаю подвергать его критикѣ. Вопросъ объ осѣдающихъ киргизахъ и объ устройствѣ ихъ—вопросъ сложный и въ настоящее время при бѣдности литературно-научныхъ данныхъ о землепользованіи и землевладѣніи такихъ киргизъ его трудно рѣшить. Я привелъ предположенія Семирѣченской администраціи, чтобы показать, на какихъ основаніяхъ она предполагала устроить селеніе Ташъ-тубе и отчасти даже осуществила это на дѣлѣ, хотя ея предположенія не только не были приведены въ законодательномъ порядкѣ, но даже и не дошли до Государственнаго Совѣта, потонувъ гдѣ-то въ канцеляріяхъ, гдѣ похоронено не мало благихъ начинаній.

Опираясь на свои предположенія объ устройствѣ земельного и общественнаго быта осѣдающихъ киргизъ, областная администрація примѣнила ихъ въ устройствѣ сел. Ташъ-тубе, для котораго была вымежевана изъ числа земель Толканов-

скою волости площадь въ 770 дес. сообразно 77 мужскихъ душъ киргизъ, зачисленныхъ въ первое киргизское-крестьянское селеніе. Киргизы эти были въ 1900 г. исключены изъ своей волости и образовали особое общество, организованное на крестьянскомъ положеніи. Что же касается земли, то утверженіе послѣдней за новымъ селеніемъ было лишь условное. Областное правленіе, имѣя въ виду, что Толкановская волость не дала своего согласія на отводъ 770 дес., что среди этой площади имѣются сады и зимовки такихъ киргизъ, которые не пожелали войти въ составъ киргизскаго крестьянскаго селенія и что нѣтъ пока закона объ устройствѣ быта осѣдающихъ киргизъ, не утверждая пока надѣла за Ташъ-тюбинцами, постановило „предоставить имъ пользоваться этимъ надѣломъ временно, не стѣсняя въ пользованіи и тѣхъ киргизъ Толкановской волости, которые имѣютъ въ чертѣ сего надѣла свои зимовки, клевера и сады, впредь до разрѣшенія этого вопроса высшею властью“.

Это постановленіе Семирѣченскаго Областнаго Правленія состоялось 12 марта 1900 г., а заключеніе по этому дѣлу Туркестанскаго генераль-губернатора послѣдовало только 16 августа 1903 г. Генераль-губернаторъ приказалъ землепользованіе оставить на тѣхъ началахъ, на какихъ оно было построено Областнымъ Правленіемъ, а исключеніе киргизъ изъ волости и неплатежъ ими податей генераль-губернаторъ призналъ неправильнымъ, въ виду отсутствія закона объ образованіи специальныхъ киргизскихъ осѣдлыхъ поселеній, а потому и приказалъ зачислить киргизъ въ составъ прежнихъ волостей и взыскивать съ нихъ всѣ указанные въ степномъ положеніи налоги. Требованіе генерала-губернатора было исполнено: киргизы по ихъ желанію были зачислены въ три аульныхъ общества Толкановской волости и уплатили подати за три года, но въ общественной организаціи у нихъ сохраненъ особый староста и свои народные судьи. Конечно съ формальной стороны особый староста и свои судьи не могутъ оставаться, но фактически, благодаря этому, селеніе Ташъ-тюбе сохраняетъ свою самостоятельность и само распоряжается тою земельною площадью, кавая принадлежитъ непосредственно киргизамъ-крестьянамъ.

Какъ было сказано выше въ черту ихъ надѣла вошли сады и зимовки киргизъ не крестьянъ. Число этихъ киргизъ опре-

Группа киргизъ крестьянъ сел. Ташъ-Тюбе.

Сел. Ташъ-Тюбе. Видъ съ восточной стороны.

дѣляется въ 28 дворовъ, во владѣніи которыхъ находится, по словамъ Ташъ-тюбинцевъ, 120 дес. Слѣдовательно во владѣніи жителей селенія остается 650 дес., что при числѣ 33 дворовъ составитъ надѣлъ на дворъ въ 19,7 дес. Въ землепользованіи Ташъ-тюбинцевъ замѣчается то, что въ то время, какъ всюду у кара-киргизъ имѣется стремленіе къ подворному владѣнію, владѣніе каждаго кара-киргиза земледѣльца обособляется, у Ташъ-тюбинцевъ появились порядки общественнаго землепользованія. Выдѣливъ землю подъ усадьбы и подъ посѣвы люцерны, которую сѣютъ въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 2 дес. на дворъ, остальную землю киргизы дѣлятъ по числу трехъ армковъ на три части, въ предѣлахъ которыхъ каждые 11 дворовъ производятъ уже передѣлъ земли по дворамъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что селеніе это еще очень молодое, а потому въ немъ и не могли сложиться тѣ или другіе порядки. Надо подождать и затѣмъ уже судить о томъ, въ какую форму выльются общественные и земельные порядки этого селенія. Теперь же слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее экономическое положеніе крестьянъ-киргизъ сел. Ташъ-тубе осенью 1903 г.

Число дворовъ	число душъ			число скота		Всего скота считая 6 овецъ за голову крупн.	
	м.	ж.	об. п.	Лошадей	Рогат.	Овецъ	
33	88	63	151	70	145	295	264
На одинъ дворъ приходится	2,7	1,9	4,6	2,1	4,4	8,1	8

Къ этимъ цифрамъ надо добавить, что изъ числа 33 дворовъ не имѣли скота пять дворовъ или $15,2\%$, а не производило посѣвовъ 3 двора или $9,1\%$. Въ числѣ этихъ бѣднѣйшихъ числится одинъ старикъ бобыль, у котораго нѣтъ ни скота, ни посѣвовъ. Особенно богатыхъ въ селеніи нѣтъ, такъ какъ въ число крестьянъ-киргизъ стремилась киргизская бѣдность, до того времени жившая или въ батракахъ у русскихъ крестьянъ или у богатыхъ киргизъ. Одинъ изъ киргизъ, бывшихъ батраковъ, по его словамъ, имѣетъ свой домъ, до 20 головъ крупнаго скота, земледѣльческія орудія (плугъ и борону), и вообще является самостоятельнымъ киргизомъ.

Селеніе вытянуто въ одну улицу, обсаженную тополями. Жители построили себѣ дома русскаго типа, преимущественно, съ камышевыми двускатными крышами и съ небольшими окнами. Однако многіе еще живутъ въ юртахъ и не строятъ

домовъ. Первоначально это объяснялось недостаткомъ средствъ, а теперь, когда эти средства имѣются, воздержаніе отъ построекъ объясняется опасеніемъ потерять свою самостоятельность, такъ какъ въ народѣ сильно циркулируетъ слухъ, что селеніе не будетъ прочно устроено и всѣ жители его будутъ возвращены въ прежнее свое состояніе киргизъ-кочевниковъ и снова попадутъ подъ власть манаповъ. Что селеніе впредь до изданія закона объ устройствѣ осѣдающихъ кочевниковъ не получитъ прочной организаціи, видно уже изъ того, что по распоряженію генералъ-губернатора Ташъ-тубинцы переведены на кибиточную подать и включены въ число киргизскихъ аульныхъ обществъ, но какая грозитъ киргизамъ крестьянамъ опасность отъ полного возвращенія ихъ въ перво-бытное состояніе, видно будетъ изъ характеристики взаимныхъ отношеній между двумя классами кара-киргизъ: „манапами“, представителями былой аристократіи, и „бухарой“, рядовой киргизской массой, находившейся да и теперь находящейся въ положеніи крѣпостныхъ у манаповъ.

II.

Кара-киргизы, составляющіе главную массу населенія Пишпекскаго уѣзда, присоединены были въ Россіи въ періодъ 1855—1865 г. До того же времени они номинально состояли въ подданствѣ кокандскаго ханства, которое, однако, не влѣшивалось во внутренніе распоряженія, выработанные всею прошлою жизнью кара-киргизъ. Соціальный укладъ кара-киргизъ заключался въ томъ, что весь народъ раздѣлился на два класса. Главную массу кара-киргизскаго населенія составляла такъ называемая „бухара“ или „фукара“, что вполне соответствуетъ старорусскому понятію о „подломѣ“ народѣ. Надъ этою бухарою стоялъ классъ власть имущихъ кара-киргизъ „манаповъ“, между которыми и была надѣлена вся „бухара“, какъ были надѣлены крестьяне между русскими помѣщиками. Какъ ни мало изучена жизнь кара-киргизъ и особенно ихъ прежній бытъ, однако, по рассказамъ киргизъ, можно себѣ составить нѣкоторое представленіе объ этомъ бытѣ, который лучше сравнить не съ крѣпостной Россіей, а съ удѣльной. Каждый манапъ былъ своего рода князь-владыка своего на-

рода. Но эти манапства были не велики. Подъ владычествомъ манаповъ сосредоточивалось отъ 100—600 кибитокъ бухары, надъ которою манапъ властвовалъ, которую онъ судилъ и имуществомъ которой онъ распоряжался вполне самовластно. Но имѣя такія широкія права надъ народомъ, манапъ имѣлъ и обязанности. Онъ долженъ былъ собирать бухару и отражать воинственные набѣги сосѣднихъ манаповъ, защищая каждаго обиженнаго своего подданнаго. Неисполненіе этой обязанности освобождало бухару отъ обязанности быть въ полномъ подчиненіи у своего манапа. Обиженный кара-киргизъ, за котораго не вступился манапъ, бралъ свою кибитку, рвалъ связи съ своимъ манапомъ и переходилъ къ другому манапу, подобно тому какъ крестьяне древней Руси переходили отъ одного князя-помѣщика къ другому.

Самое происхожденіе манапства указываетъ, что источникомъ его были взаимныя войны между отдѣльными группами кара-киргизъ. По словамъ одного старика кара-киргиза, манапъ было имя одного кара-киргиза, который своей энергіей и организаторскимъ талантомъ выдвинулся изъ рядовой массы, объединилъ ту группу, къ которой онъ принадлежалъ, и воинственными набѣгами на сосѣдей подыалъ авторитетъ своей группы.

У этого манапа явились подражатели въ другихъ группахъ. Всѣ такіе выдвинувшіеся изъ рядовой массы кара-киргизы стали называться манапами и званіе ихъ стало наследственнымъ. Это послѣднее обстоятельство дало одному манапу основаніе сказать мнѣ, что манапы—это киргизскіе дворяне. Да по существу дѣла—это такъ и выходитъ.

Бухара однако не несетъ барщины, не платитъ манапу опредѣленнаго оброка, но зато на все, что принадлежитъ бухарѣ, что заработано ея трудомъ, имѣетъ право манапъ. Нужно послѣднему принять и угостить гостя—онъ беретъ у перваго попавшагося своего подданнаго барана и угощаетъ гостя. Придетъ киргизъ къ манапу и попроситъ себѣ коня; манапъ останавливаетъ перваго встрѣчнаго киргиза, саживаетъ его съ лошади, а послѣднюю передаетъ просителю, но въ свою очередь удовлетворяетъ затѣмъ такимъ же образомъ обиженнаго. Словомъ всѣмъ имуществомъ своихъ подданныхъ манапъ распоряжается какъ своимъ собственнымъ.

При наличности такихъ условій для рядоваго киргиза,

представителя „бухары“, не было никакой гарантіи, что его трудъ обезпеченъ и что онъ самъ, какъ человѣческая личность, гарантированъ отъ всякаго произвола. Но во времена полнаго господства манаровъ, во времена постоянныхъ столкновений различныхъ группъ киргизъ между собою произволъ манаровъ отчасти компенсировался тѣмъ, что манаръ обязанъ былъ защищать свою „бухару“, а взаимные набѣги давали киргизу возможность увеличивать свое благосостояніе на счетъ скота сосѣдей, угоняемаго при „барантѣ“¹⁾).

Времена перемѣнились. Кара-киргизы стали русскими подданными, получили самоуправленіе, а съ прекращеніемъ „баранты“ — возможность своимъ трудомъ создавать и увеличивать свое благосостояніе. Казалось бы, что при новыхъ условіяхъ жизни, когда народъ получилъ право избирать себѣ волостныхъ управителей, аульныхъ старшинъ, народныхъ судей и выборныхъ волостного съѣзда, которымъ принадлежитъ право разсматривать общественныя и хозяйственныя дѣла всей волости, получилъ право на аульномъ сходѣ обсуждать и рѣшать общественныя и хозяйственныя дѣла всего аульнаго общества, — казалось бы, что теперь жизнь киргизъ должна была идти по новому пути, а слѣдовательно произволъ манаровъ долженъ былъ стать достояніемъ исторіи. Дѣйствительность, однако, говоритъ, что тѣ рамки киргизской жизни, которыя созданы были существующимъ закономъ объ устройствѣ ихъ быта, не смогли побѣдить выработанный ранѣе строй. Манарство сохранилось не какъ социальный пережитокъ, а какъ сильное общественное явленіе, которое не только приспособилось къ новымъ условіямъ быта, а эти новыя условія приспособило къ себѣ.

Произошло это, во-первыхъ, потому, что вообще социальныя формы не легко поддаются измѣненію и даже при естественной эволюціи нерѣдко переживаютъ свое содержаніе, а во-вторыхъ и потому еще, что тѣ формы, въ которыя русское законодательство хотѣло сложить киргизскій бытъ, не были построены на полномъ знакомствѣ съ условіями киргизской жизни. Созданныя чисто кабинетнымъ путемъ на основаніи лишь поверхностнаго знакомства съ киргизскимъ бытомъ и

¹⁾ Баранта—воинскій набѣгъ, обыкновенно сопровождавшійся отгономъ скота.

кабинетныхъ соображеній о томъ, что замѣна рода волостью и аульнымъ старшинствомъ, какъ общественно-хозяйственными единицами, и введеніе самоуправленія—являются достаточно сильными, чтобы реформировать весь киргизскій бытъ. Соображенія о волости, какъ общественной хозяйственной единицѣ, и приданіе волости характера земельной общины на практикѣ не нашли себѣ опоры въ народѣ. Русскіе застали киргизъ въ тотъ моментъ, когда родовой бытъ уже началъ распадаться и когда вмѣсто цѣлыхъ родовъ киргизскій народъ раздробился на множество мелкихъ родовыхъ единицъ, которыя, какъ показали статистическія изслѣдованія степной экспедиціи Щербины, образовали хозяйственные аулы и общинно-земельныя группы изъ нѣсколькихъ хозяйственныхъ ауловъ. У кара-киргизъ же, живущихъ въ такомъ районѣ, гдѣ земледѣльческое хозяйство можно вести при искусственномъ орошеніи, уже до русскихъ стало развиваться земледѣліе, а съ нимъ вмѣстѣ и обособленіе землепользованія и землевладѣнія уже не только въ предѣлахъ мелкихъ родовыхъ группъ, а въ предѣлахъ отдѣльныхъ ауловъ. При дальнѣйшемъ же развитіи земледѣлія и осѣданія киргизъ стали складываться формы подворно-участковаго владѣнія. При такихъ условіяхъ приданіе волости значенія земельной общины, съ правомъ въ лицѣ выборныхъ волостного съѣзда рѣшать дѣла и споры по землепользованію, сдѣлалось однимъ изъ главныхъ тормазовъ развитія подворно-участковаго владѣнія. Съ другой стороны, и организація самоуправления, выражающаяся въ организаціи аульныхъ сходовъ и съѣздовъ волостныхъ выборныхъ, не могла привести къ желательному результату, такъ какъ аульные сходы фактически созываютъ нѣтъ возможности при разбросанности киргизъ на большой территоріи, а волостные выборные на своихъ съѣздахъ не могли быть представителями различныхъ общественно-хозяйственныхъ группъ. Организація этихъ съѣздовъ была построена на арифметическомъ, а не на общественно-хозяйственномъ принципѣ, такъ какъ въ члены этого съѣзда киргизы должны избирать по одному выборному отъ каждаго 50 кибитковладѣльцевъ. Насколько выборные волостного съѣзда не могутъ считаться представителями общественно-хозяйственныхъ единицъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ о ковчетавскомъ уездѣ, изслѣдованномъ степной экспедиціей Щербины. Въ уездѣ

всѣхъ выборныхъ по числу 12498 вибитокъ должно быть 256. Общинно-земельныхъ группъ экспедиція считаетъ 492, а хозяйственныхъ ауловъ 1654; слѣдовательно, на одну общину приходится 0,5 выборныхъ, а на одинъ хозяйственный аулъ 0,1. При такихъ условіяхъ эти выборные не могутъ быть представителями народныхъ интересовъ. Если же принять во вниманіе, что русская администрація смотритъ на выборныхъ (пятидесятниковъ), какъ на низшихъ агентовъ полиціи (сотскихъ), а волостные управители въ силу этого превратили ихъ въ своихъ разсылныхъ, то станетъ очевиднымъ, что качественный составъ этихъ выборныхъ не можетъ быть высокимъ. Прежде киргизы еще старались выбирать въ сѣздъ дѣйствительно лучшихъ людей, а теперь этого нѣтъ, и выборные стали простыми пѣшками въ рукахъ волостныхъ заправиль, каковыми у кара-киргизъ являются манапы.

Эти условія современной жизни, прекращеніе междоусобицъ среди кара-киргизскихъ манапствъ и въ довершеніе всего развитіе земледѣлія и торговли сдѣлали то, что манапы изъ враждующихъ другъ съ другомъ сплотились и дружными усиліями поддерживаютъ свое господство надъ народомъ, при чемъ это господство, какъ и въ старину, выражается въ обирахъ народа. Дружба манаповъ не исключаетъ розни между отдѣльными манапами, но когда возникаютъ явленія, грозящія освобожденію народа изъ подъ ига манаповъ, тогда они дружно противодѣйствуютъ народу. Такъ, когда въ 1902 г. среди киргизъ распространился слухъ о возможности имъ причислиться къ казачьему сословію, 150 вибитокъ киргизъ Толкановской волости выбрали двухъ довѣренныхъ, Джилкычи Таштанова и Табалды Кыдырова, которые и подали прошеніе о желаніи своихъ довѣрителей причислиться къ казачьему сословію. Такое причисленіе обѣщало киргизамъ укрѣпленіе за ними земли въ размѣрѣ 30 дес. на мужскую душу и полное освобожденіе отъ манаповъ. Такое движеніе было не на руку манапамъ, и тѣ воспользовались установившеюся въ Семирѣченской области практикой созыва чрезвычайныхъ сѣздовъ народныхъ судей для разбора не только апелляціонныхъ жалобъ, но и дѣлъ первой инстанціи, и привлекли Таштанова и Кыдырова къ суду по обвиненію ихъ въ кражѣ. Ложными свидѣтельскими показаніями на судѣ виновность Таштанова и Кыдырова была доказана, и не под-

лежащее апелляціи рѣшеніе чрезвычайнаго сѣзда, присудившаго Таштанова и Кыдырова къ тюремному заключенію на 12 мѣсяцевъ каждаго и къ штрафу по 6 лошадей съ каждаго, было приведено въ исполненіе. Таштановъ и Кыдыровъ были разорены, а не удобное манапамъ движеніе среди киргизъ къ переходу въ казаки прекратилось.

Чтобы понять такой дружный отпоръ манаповъ народу, надо принять во вниманіе, что манапы попрежнему смотрятъ на себя какъ на единственныхъ собственниковъ всего, что принадлежитъ народу „бухарѣ“. Не исключается изъ этого и земля. При паличности же закона, признающаго землю общественнымъ достояніемъ, распорядиться которымъ можетъ сѣздъ волостныхъ выборныхъ ¹⁾ и при наличности системы, давшей манапамъ возможность захватить всю власть въ свои руки, — манапы самовольно распоряжаются землею. Они сдаютъ ее въ аренду русскимъ крестьянамъ и не крестьянамъ и дѣлятъ деньги между собою, они лишаютъ „бухару“ земли или воды, необходимой для орошенія полей, они же накладываютъ многоразличныя дани на народъ, забирая у него скотъ, предлагая на него большую часть податей и тѣхъ сборовъ, которые подъ именемъ „кара-чегынъ“, т.-е. темныхъ общественныхъ сборовъ, раскладываются на народъ за пріемъ и угощенія начальствующихъ лицъ манапами и за разные другіе расходы, зачастую съ расходами общественнаго характера, ничего общаго не имѣющими. Такая система поддерживается манапами, и всякія попытки народа освободиться отъ крѣпостной зависимости встрѣчаютъ со стороны манаповъ отпоръ. Насколько же важно для манаповъ сохранить существующій порядокъ, доказывать нѣтъ надобности. Но для иллюстраціи общаго положенія не лишне будетъ привести слѣдующій фактъ.

Городъ Пишпекъ въ 1896 г. взялъ въ аренду срокомъ на 12 лѣтъ 750 дес. земли у киргизъ Толбановской волости съ платою по 20 коп. за десятину въ годъ при условіи взноса этой платы въ счетъ податей за бѣдныхъ киргизъ. Условія аренды опирались на приговоръ сѣзда волостныхъ

¹⁾ Такъ ст. 126 Стеннаго Положенія даетъ право этому сѣзду рѣшать вопросъ о сдачѣ въ аренду киргизскихъ земель русскимъ, а по ст. 124 эти сѣзды рѣшаютъ поземельные споры между аульными обществами.

выборныхъ. Такъ обстоитъ дѣло съ официальной стороны. Не официально же дѣло дополняется нѣсколькими не безынтересными данными. За аренду 750 дес. земли городъ заплатилъ одному манапу 2000 руб. такъ называемыхъ темныхъ сборовъ. Городъ сдѣлалъ аферу изъ арендованной земли, разбивъ ее на участки и сдавъ съ торговъ жителямъ города по 4—10 дес. за плату отъ 75 коп. до 2 р. и выше десятины въ годъ. Горожане засадили эти участки деревьями, а въ томъ числѣ и фруктовыми, построили дома, произвели посѣвъ люцерны, завели скотъ—словомъ превратили 750 дес. пустопорожней земли въ сады и хуторки. Прошло 9 лѣтъ, и тотъ же манапъ завелъ переговоры о томъ, что онъ готовъ устроить вторично аренду этихъ 750 дес., если ему заплатятъ 4000 руб. Такимъ образомъ этотъ манапъ за свое малярство, опирающееся на власть манаповъ распоряжаться общественнымъ достояніемъ, получилъ въ первый разъ 2000 руб., а во второй разъ теперь проситъ 4000 руб., а не задолго до окончанія срока потребуетъ навѣрное еще больше. Вѣроятно горожане въ надеждѣ на защиту своихъ интересовъ правительствомъ и въ ожиданіи этой защиты, не будутъ платить 4000 руб. манапу, а въ концѣ концовъ,—чтобы сохранить за собою свои плодовые сады и дома, согласятся заплатить и больше.

Это одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ хищнической дѣятельности манаповъ. Если они не церемонятся съ русскимъ населеніемъ города Пишпека, то можно себя представить, какъ они относятся къ киргизскому народу, той самой „бухарѣ“, которую они привыкли считать у себя въ крѣпостной зависимости.

Однако времена переменчивы. Бухара начинаетъ поднимать свою голову, разгибать согбенную выю и пытаться сбросить манапское иго. Но эти первые шаги ея шатки, а главное проявляются очень дико. Время отъ времени совершаются киргизами убійства наиболѣе хищныхъ манаповъ, такихъ манаповъ, про которыхъ говорятъ, что онъ „ѣстъ народъ“. Существуетъ поговорка: „манапъ—волеъ, а народъ—овцы“. Однако такое грубое проявленіе народнаго недовольства рѣдко. Среди киргизъ зарождаются теперь идеи легальнаго освобожденія отъ манапскаго ига, при чемъ они отъ русскаго правительства ждутъ этой милости.

Сел. Ташъ-Тюбе. Пишпекскаго у. Видъ главной улицы.

Домъ старосты сел. Ташъ-Тюбе.

Идеи эти зародились у киргизъ послѣ возникновенія сел. Ташъ-тюбе, такъ какъ въ организаціи этого селенія осуществлена отчасти полная независимость осѣвшихъ киргизъ отъ власти и, главное, произвола манаповъ. Селеніе возникло по ходатайству уѣзднаго начальника, что помѣшало манапамъ идти противъ устройства киргизскаго осѣдлаго селенія. И хотя, какъ я сказалъ выше, селеніе это окончательно не устроено, внесено даже причисленіе жителей селенія къ мѣстнымъ аульнымъ обществамъ, тѣмъ не менѣе условія землевладѣнія таковы, что манапы не касаются этихъ условій; а это самое главное. Окрестъ живущіе киргизы, указывая на примѣръ селенія Ташъ-тюбе, толкуютъ о желательности для нихъ такого же устройства. И они правы въ своихъ желаніяхъ. Процессъ осѣданія кара-киргизъ въ Пшпекскомъ уѣздѣ идетъ настолько интенсивно, что оставленіе условій землевладѣнія и землепользованія въ рамкахъ нынѣ существующаго закона является нежелательнымъ и даже вреднымъ, ибо произволъ манаповъ, опирающійся на существующій законъ, является однимъ изъ главныхъ тормазовъ дальнѣйшаго осѣданія киргизъ, а слѣдовательно и дальнѣйшаго культурнаго прогресса киргизскаго народа, до сихъ поръ многими признаваемого за дикарей-номадовъ, неспособныхъ въ земледѣльской культурѣ.

Земельное устройство кара-киргизъ—будетъ ли оно произведено по типу сел. Ташъ-тюбе или будетъ организовано какъ-нибудь иначе—дастъ желательные для культуры результаты, развѣ въ основу его будетъ положено освобожденіе киргизъ отъ самовластия манаповъ. А какъ будетъ встрѣчено киргизами (конечно „бухарой“, а не манапами) такое устройство, можно судить по тому гордому и довольному тону, съ какимъ жители сел. Ташъ-тюбе называютъ себя „крестьянами“. Въ этомъ тонѣ чувствуется сознаніе свободнаго хозяина, который радъ, что онъ вышелъ изъ подъ власти манаповъ, и это сознаніе выражается въ любовномъ отношеніи въ чуждому для него по языку названіи „крестьянинъ“. Надо замѣтить, что всѣхъ русскихъ крестьянъ киргизы зовутъ „мужики“ или „коколь“ (хохолъ), но не зовутъ крестьянами. Ташъ-тюбинцы не мужиками себя зовутъ, а крестьянами, какъ бы стараясь этимъ самымъ отдѣлить себя и отъ мужиковъ и отъ киргизской бухары.

Но скоро ли дождутся киргизы столь желательнаго для нихъ земельного устройства и освобожденія изъ подъ ига манаповъ? Скоро ли не одни только Ташъ-тюбинцы въ числѣ 33 дворовъ, но и все киргизское населеніе Чуйской долины облегченно вздохнуть отъ сознанія того, что рухнуло манапство, рухнулъ старый строй? Скоро ли можно будетъ сказать, что киргизы вступили на путь вультурнаго и гражданскаго развитія и сказать при томъ съ гордымъ сознаніемъ того, что въ выходу ихъ на этотъ путь приложены старанія русскаго народа, русской націи, которой давно уже пора стать дѣйствительнымъ старшимъ братомъ всѣхъ племенъ, населяющихъ государство и при томъ братомъ любящимъ, а не братомъ гонителемъ?
